

Ю. А. ЛАЙУС

## ИСТОРИЯ НАУКИ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ОБЛАСТИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИН И «СЛУЧАЙ ДОКУЧАЕВА».

Необходимость этой небольшой заметки, предваряющей публикацию перевода статьи английского историка – специалиста по России Дэвида Муна «Экологическая история российских степей: Василий Докучаев и неурожай 1891 года», вызвана следующими причинами: 1) все еще недостаточной известностью «экологической истории» как дисциплины в среде отечественных историков, включая историков науки; 2) важностью затронутых в статье вопросов, далеко выходящих за пределы представленного *case-study*; 3) очевидными связями этой работы и ее автора с российским научным сообществом.

Начну с последнего пункта. Статья Муна о Докучаеве, получившая в 2007 г. премию Европейского общества по экологической истории (*ESEH*), посвящена памяти Алексея Энверовича Каримова (1966–2004), чья профессиональная и дружеская поддержка была очень важна для автора. Как известно, Алексей Энверович был первым региональным представителем от России и части Восточной Европы в этом новом европейском обществе, организованном в 2000 г. Он участвовал в его двух первых конференциях и много сделал как для пропаганды экологической истории среди российских историков, так и для привлечения внимания зарубежных коллег к проблемам экологической истории России. Присуждение премии Европейского общества статье, посвященной России (само по себе достаточно примечательное событие современной научной жизни), несомненно, было во многом подготовлено всей разносторонней деятельностью А. Э. Каримова. Это замечание, разумеется, никоим образом не умаляет заслуг автора статьи Д. Муна, всю свою творческую жизнь занимающегося историей России и тонко понимающему ее историю, природу и культуру. Начиная с середины 1980-х гг. когда он, будучи аспирантом, провел целый год на историческом факультете Ленинградского университета, Мун регулярно приезжает в Россию для изучения архивов в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Самаре и Санкт-Петербурге, много печатается на русском языке<sup>1</sup>. В настоящее время для написания книги по экологической истории российских степей<sup>2</sup> и сбора материалов для сравнительного изучения их истории и истории Великих рав-

<sup>1</sup> Среди его недавно опубликованных работ см.: Крестьяне в россиянах или россияне в крестьянах: к вопросу о самоидентификации российских крестьян // Смена парадигм: современная русистика / ред. Б. Н. Миронов. СПб., 2007. С. 313–334; Структура и жизненный цикл крестьянских дворов (конец XVII – XIX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. № 2. С. 32–48.

<sup>2</sup> Книга запланирована к публикации в Oxford University Press на 2011-12 гг.

нин Америки, испытывавших сходные экологические проблемы<sup>3</sup>, Дэвид Мун получил престижную годовую стипендию для работы в Институте высших исследований в Принстоне, США.

Поскольку экологическая история как дисциплина еще достаточно молода, в нее приходят ученые из разных областей: исторической географии (как Каримов), социальной истории (как Мун<sup>4</sup>), биологии и истории экологии<sup>5</sup> (как автор этих строк). Тем не менее экологическая история – это самостоятельная область исторических исследований, а не поле междисциплинарного взаимодействия. Это отдельная дисциплина, изучающая взаимодействие человека и природы, требующая особых знаний и навыков, имеющая свои исследовательские практики<sup>6</sup>. Дисциплина весьма неоднородная и, согласно схеме, предложенной одним из ведущих современных экологических историков Джоном Мак-Ниллом, распадается на материальную, интеллектуальную (или культурную) и политическую экологическую историю<sup>7</sup>. Многие экологические историки избрали для себя исследования в одной из этих областей, другие свободно переходят из одной области в другую, третьи пытаются преодолеть искусственность этих границ и описать все грани взаимоотношений людей и природы в конкретном географическом и социальном контексте. Публикуемая ниже статья, с нашей точки зрения, как раз и представляет собой удачный пример последнего. В ней искусно переплетены описания различных материальных сил степной природы: растительности, почвы, воды, климата; образы степи, как они отразились в разных областях культуры, и политические государственные решения, направленные на улучшение сельского хозяйства в степи. При этом очень важным является то, что все это нанизывается на один стержень – представления о степи и ее природе, как они формулируются в научных работах ее выдающегося исследователя В. В. Докучаева. В этой работе Мун легко пересекает пористые границы дисциплинарного поля экологической истории и временами попадает на более знакомую читателям журнала территорию социальной истории науки.

Как образно заметил Дуглас Винер, также совмещающий в своем научном творчестве методы экологической истории и истории науки, «когда мы изучаем взаимоотношения человека и природы, мы изучаем лишь тени и искаженные образы – постоянно перемещающуюся цель»<sup>8</sup>. Объекты нашего изучения, – продолжает Винер, – социальные акторы, являются носителями

<sup>3</sup> См. Moon, David. In the Russians Steppes: The Introduction of Russian Wheat on the Great Plains of the United States of America // Journal of Global History. 2008. V. 3. P. 203–225.

<sup>4</sup> Монографии Д. Муна включают: Moon, D. The Abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907. Harlow, 2001 и Moon, D. Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made. London; New York, 1999.

<sup>5</sup> Не путать с экологической историей! История экологии – это история науки «экологии», а экологическая история (*environmental history*) – это история взаимоотношений человека и природы.

<sup>6</sup> Подробнее об экологической истории см.: Александров Д. А., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. А. Экологическая история: введение // Человек и природа: экологическая история. Сб. переводов / Под ред. Д. А. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. А. Лайуса. СПб., 2008. С. 8–22.

<sup>7</sup> Мак-Нилл Дж. Р. О природе и культуре экологической истории // Там же. С. 23–83.

<sup>8</sup> Weiner, D. A Death-Defying Attempt to Articulate a Coherent Definition of Environmental History // Environmental History. 2005. Vol. 10. № 3. P. 405.

социально конструируемых когнитивных карт (*cognitive maps*), которые мы пытаемся понять, вооруженные нашими собственными картами и инструментами. В случае ученых особенно важно то, что природные явления преобразуются при помощи этих карт и инструментов в их головах в научные факты, которые мы как историки пытаемся понять при помощи наших собственных мыслительных инструментов. Пытаясь понять, что думал Докучаев о том, влияет ли вырубка лесов на возникновение засух в степи, Мун не только рисует нам картину состояния и методической оснащенности сельскохозяйственной науки конца XIX в. (что само по себе интересно), но также предлагает свой вариант поисков ответа на фундаментальную «проблему» экологической истории. Проблема эта в относительно недавней публикации, рефлексировавшей состояние дисциплины, была сформулирована следующим образом: как общества и индивидуумы (в том числе носители экспертного знания) приходят к различению среди разных комбинаций элементов, составляющих их мир, тех, которые представляют собой осмысленные действия, от тех, которые принадлежат к силам «грубой природы», внешним по отношению к этому действию, то есть к окружающей среде<sup>9</sup>. Являются ли более частые и сильные засухи последствием неразумного землепользования или это случайные события, неразрывно связанные с той средой, в которой это землепользование имеет место? И может ли быть эта среда преобразована, улучшена? Только определенный ответ на последний вопрос мог дать ключ к дальнейшим практическим действиям.

Мун, долгое время занимаясь историей российского крестьянства, вплотную подошел к одному из самых сложных, «проклятых» вопросов российской истории – проблеме устойчивости сельского хозяйства. Не рассматривая его в этой работе эксплицитно, имплицитно он показывает то, каким узким оказывается путь между оползающими склонами пессимистического географического детерминизма, принимающего окружающую среду как неизменную данность, и блистающими высями оптимистического волюнтаризма, ставящего себя выше всяких природных ограничений. Методологическая необычность этой работы для многих историков науки заключается в том, что автор отталкивается от социальных и экологических вопросов, а не от истории развития научного знания, и рассматривает научное исследование как одну из форм получения экспертного знания, которое затем может иметь практическое приложение для улучшения практик природопользования. Описания природных феноменов, увиденных «глазами экспертов», стоят тут в одном ряду с описаниями, сделанными чиновниками и практиками сельского хозяйства и деятелями культуры. При этом автора интересует вопрос о том, как знание земли и практик землепользования становится знанием о земле и окружающей среде; в этом он очень близок к Каримову, рассматривавшему сходный вопрос на материале истории земельных кадастров<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> Sörlin, S., Warde, P. The Problem of the Problem of Environmental History: a Re-reading of the Field // *Environmental History*. 2007. Vol. 12. N 1. P. 121–122.

<sup>10</sup> Каримов А. Э. «Докуда топор и соха ходили»: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX века. М., 2007.

Еще одним общим вопросом как экологической истории<sup>11</sup>, так и истории науки, является представление о знании как о власти. Земельный кадастр, который, согласно Каримову, является не только научным и художественным артефактом, но и отражением политических и социальных реальностей, застывшей формой диалога между государством и обществом, и заключение эксперта-ученого, сделанное на основе длительных наблюдений и экспериментов, являются инструментами власти<sup>12</sup>. Экологическое знание возникает и развивается во взаимодействии с двумя основополагающими неопределенностями: неопределенностью природы и неопределенностью политики. Вопрос о власти в научных практиках включает как свою составную часть вопрос о власти над природой – кто имеет право говорить от имени природы и кто несет ответственность за не предсказанное вовремя ее аномальное поведение? Неопределенность политики сказывается на том, какая наука получает государственную и общественную поддержку и насколько устойчивыми остаются научные практики и институты перед лицом политического давления.

Вопросы, ставшие центральными в исследовании Докучаева, поднимались и обсуждались в обществе в тот короткий, но очень важный для становления отечественной науки период времени, когда это общество начинало приобретать еще расплывчатые, но уже узнаваемые очертания «гражданского общества»<sup>13</sup>. Но лишь эксперты, обеспеченные поддержкой государственной машины, были облечены властью формулировать и проводить в жизнь планы преобразования природы. И вот тут-то и есть самый центр интересующей нас области пересечения двух дисциплин: экологической истории и истории науки. Изучение взглядов экспертов на природу и взаимоотношения общества с природой оказываются важны не только сами по себе, но, в первую очередь, для понимания того, как на основе этих взглядов формируются программы использования природных ресурсов, изменения ландшафтов и среды, охраны природы<sup>14</sup>.

«Эксперты природы»<sup>15</sup> выступают в роли интерпретаторов природных явлений, формулируя далеко идущие практические планы взаимодействия людей и природы. Из этой особой роли экспертов вырастает проблема, в полной мере осознанная современными историками и социологами науки, равно как и экологическими историками: что происходит со знанием, когда оно получает практическое применение? какое научное знание должно браться на вооружение политиками и практиками, в какой степени это знание может быть подвергнуто упрощению и переинтерпретации? И если справедливо, что из науки Докучаева выросла значительная часть отечественной экологии, то не из его ли Плана, пусть и существенно видоизмененного, как вполне опре-

<sup>11</sup> Weiner. A Death-Defying Attempt... P. 416.

<sup>12</sup> См. также рецензию английского исторического географа Дениса Шоу на книгу А. Э. Каримова: Shaw, D. // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 2008. Vol. 36. P. 84–89.

<sup>13</sup> См., например, Хектен Э. Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 37–62.

<sup>14</sup> См., например: Винер Д. Экология в Советском Союзе. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / Пер. Е. Крюкова, предисл. Ф. Р. Штильмарк. М., 1991.

<sup>15</sup> См., например, увлекательную книгу канадского историка Стефена Бокинга: Bocking, S. Nature's Experts: Science, Politics and the Environment. New Brunswick, 2004.

деленно говорит об этом Мун, в значительной степени вырос и «великий» сталинский план преобразования природы?

Чрезвычайно симптоматичен и антиисторизм построений Докучаева, ведь постулирование существования девственной нетронутой степи в самом недалеком прошлом обеспечивало реальность поставленной задачи возвращения к этому состоянию, а значит, и возможность достижения желанного плодородия. И здесь возникает очень важный момент, который является определяющим для утилитарного приложения экологической истории и исторической экологии: планируя природопользование мы всегда вольно или невольно отталкиваемся от прошлого, как мы его видим<sup>16</sup>. А видим мы его часто так, как нам диктует предсказуемое будущее, которого мы хотим достичь.

И то, что этому антиисторизму Докучаева в работе противопоставлено описание степи в протяженной во времени исторической перспективе, создает своеобразный стереоэффект, вычленив 1891 г. и «случай Докучаева» как одну из точек в длинной пунктирной линии истории российских степей, выходящей из неопределенности глубин прошлого и уходящей в неопределенность будущего.

И если, по словам Мак-Нилла, цель экологической истории заключается в том, чтобы служить человечеству, обеспечивая «пригодное к употреблению прошлое»<sup>17</sup>, то несомненно, что прошлое, пропущенное через двойную методологическую призму экологической истории и истории науки, выпукло и убедительно показанное нам в статье Муна, пригодно для самого различного полезного употребления. В том числе и как повод для дальнейших дискуссий на предложенные выше темы.

---

<sup>16</sup> См. Александров Д. А., Куприянов А. В., Лайус Ю. А. Менеджмент природных ресурсов // *Тор-Manager*. 2005. № 11. С. 88–93.

<sup>17</sup> Мак-Нилл. О природе и культуре экологической истории...